

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курганский государственный университет»

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

**ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ
ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Материалы II Всероссийской научной конференции
г. Курган, 17–18 апреля 2014 года

УДК 94(57) "05/184" (063)
ББК 63.3 (253.3)4л0
И 90

История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17-18 апреля 2014 г.) / отв.ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Тагауров. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. 148 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Н.А.Томилов, доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала ИАЭ СО РАН;
В.В.Трепавлов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений.

Настоящее издание представляет собой сборник докладов участников II Всероссийской научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири».

В сборник включены доклады по проблемам источниковедения и историографии, политической истории улуса Шибана и сибирских тюрко-татарских государств, проблемам их взаимоотношений с Русским государством и включения Западной Сибири в его состав, этнической, духовной и материальной культуры тюркских народов Урало-Иртышского междуречья.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири в средние века.

ISBN 978-5-4217-0245-0

© Курганский
государственный
университет, 2014
© Авторы, 2014

- Напольских В.В. *Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. 2006. № 3. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедов. М., 1993.*
- Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Выпуск I: Повесть временных лет. Издание второе. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1926.*
- Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1888.*
- Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская IV летопись. Издание Археографической комиссии. СПб., 1848.*
- Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л.: Наука, 1982.*
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Г. Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.*
- Татищев Н.В. *История Российская. Часть первая. Глава 29.* URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/Tatishcev/index.htm>
- Федорова Н.В. *Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. 4(12).*
- Хан Н.К. *О походе ушкунников 1374 года и основании города Вятка-Хлынова. [электронный ресурс] Персональный сайт Хана Н.К. URL: <http://nghan.by/opy1.shtml>*
- Шишонко В.Н. *Пермская летопись с 1263-1881 г. Первый период с 1263-1613 г. Пермь, 1884.*
- Эткинд А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное образование, 2013.*

**Д.Н. Маслюженко
г. Курган, РФ**

НОГАЙСКИЙ ФАКТОР В МОСКОВСКО-СИБИРСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1555-1563 ГГ.

Московско-сибирские переговоры 1555-1563 гг. достаточно хорошо изучены в отечественной историографии. Значение этого события тем более велико, что в июне 1555 года в титуле русского царя впервые появились слова «вся Сибирские земли и Северные страны повелитель», которые заняли последнее место в перечислении земель территориального титула государя [Пчелов, 2010, с.5]. В то же время причины начала и завершения этих переговоров до сих пор остаются не до конца выясненными. Часто их принято искать в нападении на Сибирь Кучума и влиянии на эти события бухарского хана Абдуллы II [История народов Узбекистана, 1947, с.56; Матвеев, Татауров, 2012, с.40-41], который пытался сплотить под своей властью все улусы Шибанидов.

Одновременно с этим ногайский фактор в истории сибирской государственности и династии Шибанидов, в том числе и в рассматриваемом переговорном процессе, чаще всего находится на периферии исследовательского интереса. В европейской историографии эта тема отчасти исследована лишь в работе французского востоковеда Жюльена Ванштейна [Вайнштейн, 2009, с.365-375], а в российской исторической науке исключением являются работы В.В. Трепавлова [Трепавлов, 2002, с.310]. Кроме того, Т.И. Султанов указывает, что Кучум в 1563 г. захватил власть с помощью ногайских правителей [Султанов, 2006, с.288]. Отчасти данная тема была рассмотрена ранее и автором этой статьи [Маслюженко, 2008, с.119-124]. В связи с этим считаем необходимым показать возможную связь между сибирскими и ногайскими

делами. Преобладание ногаев на раннем этапе подчеркивается и характерной фразой из устной легенды о Кучуме, записанной Н.Ф. Катановым: «Пока он (т.е. Кучум – Д.М.) рос, народом его управлял султан Ногай» [Катанов, 2004, с.148]. О пребывании ногаев непосредственно на Иртыше в предшествующее время говорится в другой легенде [Катанов, 1904, с.19].

Первое посольство от сибирского князя¹ Едигера прибыло в Москву в январе 1555 года. Посольство не только «здоровали» царя Ивана IV с покорением Казанского и Астраханского ханства, произошедшие в 1554 г., но и предлагало ему взять Сибирь под «свою руку» и положить на нее дань. По восточным традициям послы привезли в подарок шкуры белок и соболей. В ответ на это в Сибирь были отправлены посол и дорога Дмитрий Куров сын Шепейцын, который должен был Едигера и землю Сибирскую к «правде привести», провести перепись и взять дань и дорожную пошлину [ПСРЛ, 1904, с.248].

В историографии принято объяснять этот поступок Едигера как ответ на нападении Кучума [например: Матвеев, Татауров, 2012, с.40]. Однако первая информация об этом событии встречается только в отчете русского посла, который вернулся в Москву в ноябре 1556 года [ПСРЛ, 1906, с.276]. Скорее всего, нападение Шибанского царевича могло быть спровоцировано именно самими переговорами и появлением в Сибири русского посла. При этом в источниках не конкретизируется его имя, упоминание в исследованиях именно Кучума – это лишь дань историографической традиции. С равным основанием в лице этого царевича можно видеть и старшего сына Муртазы Ахмед-Гирея, реально участвовавшего в дальнейшем в переговорном процессе с Москвой.

В то же время в конце января 1555 года в Москву прибыло еще одно посольство – от нового ногайского бия Исмаила, который вел прорусскую политику, и его союзников, в частности сыновей Шейх-Мамай – кековата Касима и его брата Бия [Трепавлов, 2002, с.275]. Шейх-Мамай, по данным С. Герберштейна, владел значительной частью Сибири во второй четверти XVI века [Герберштейн, 2003, с.253-254]. Именно при его дворе воспитывались Ахмед-Гирей и Кучум, сыновья старшего из представителей сибирской ханской семьи Муртазы б. Мамук-хана

¹ В последнее время значительное число авторов (Д.М. Исхаков, А.К. Бустанов, В.В. Трепавлов) выступали с предположением о том, что сибирские князья не были независимыми правителями (как это долгое время доказывал, например, А.Г. Нестеров), а являлись лишь беклярибеками. По существующим предположениям они правили либо «от руки» казанского хана, либо, что более вероятно, от какого-либо тюменского династа из Шибанидов. Обсуждение данного вопроса – это тема отдельной статьи. Однако, как нам представляется, версия о беклярибекстве больше соответствует событиям сибирской истории первой половины XVI века. Именно попытка изменить свой статус со стороны Едигера или найти иного «сеньора» и привела к началу переговоров 1555 г. Связано это с тем, что на протяжении предыдущих 40 лет тюменские ханы фактически не проявляли никакой активности на сибирских территориях. Их следы, скорее, надо искать либо среди ногаев, либо среди родственников в Средней Азии. Именно это ослабление или переориентация на степи привели к формированию потенциальной возможности для Едигера поиска нового сюзерена. Необходимо не забывать, что Едигер пришел к власти в Сибири после подавления сопротивления местной аристократии, представители которой убили его отца бека Казыма.

[Трепавлов, 2002, с.199]. Тесные связи Сибирских Шибанидов с ногаями прослеживаются на всем протяжении существования Тюменского и Сибирского ханств, при чем в XVI веке они концентрируются именно на представителях семьи Шейх-Мамаея. Относительно рассматриваемых событий следует учитывать: Шихмамаевичи поддержали Исмаила еще летом или осенью 1554 года. В.В. Трепавлов отмечает, что практически одновременно в Москву пришло посольство и от некоторых башкирских племен с инициативами, аналогичными предложению Едигера [Трепавлов, 2007, с.101].

Определенные отношения с ногаями имели и сибирские беки. По одним источникам, на сестре Исмаила был женат сибирский бек Казым [Трепавлов, 2002, с.310], который был убит собственными близкими людьми [ПСРЛ, 1987, с.119]. По другим данным, Едигер, сын Казыма, сумевший вновь объединить разрозненные улусы, отомстив убийцам отца, был женат на дочери бия Исмаила [ПДРВ, 1795, с.323]. Все это с очевидностью сближало его интересы с новым ногайским лидером, пришедшим к власти в результате переворота. Напомним, что на протяжении XVI века тюменские и сибирские посольства часто приходили в Москву вместе с ногаями или организовывались при их непосредственном участии [например: Масложенко, 2011, с.62-68].

Обратим внимание на то, что на момент начала переговоров источники не упоминают о нападении Шибанидов (Муртаза и его дети Ахмед-Гирей и Кучум) на Сибирь. В этом не были заинтересованы и Шихмамаевичи, выступавшие своеобразными «покровителями» тюменской ханской семьи. При всей проблематичности поисков территории кочевий Муртазы с сыновьями они, скорее всего, могли находиться в низовьях Тобола, на его притоках Убаган и Абуга, на северной границе степной зоны Южного Зауралья и Северного Казахстана. Именно здесь русские документы указывали так называемые «царевы кочевья» или «... где кочевал наперед сею сибирский Кучум царь» [Миллер, 2000, с.348, 350]. В этих местах в верхнем течении Тобола и его притоков долгое время кочевали Кучумовичи, опиравшиеся на лояльные к ханской семье местные группы населения [Самигулов, 2012, с.126-130]. При этом данные кочевья входили в более обширные ногайские земли потомков Шейх-Мамаея, которые кочевали от Урала до Иртыша и Сырдарьи.

В ходе столкновения летом 1555 года нурадин Касим был убит, что еще более тесно привязывало его родственников к Исмаилу. Во главе Шихмаевичей встал брат убитого Бий, что подтверждается и его участием в переписке Исмаила с Москвой в ноябре 1555 года [ПСРЛ, 1906, с.262]. В это же время часть ополчения левого крыла под командованием Ака (Ахмеда) б. Шейх-Мамаея перешли на Волгу для охраны от вылазок мирз-«казаков» [Трепавлов, 2002, с.279]. Несмотря на это, в июне 1556 г. Исмаил поспорил с Шихмаевичами и даже просил убежища в Москве. В сентябре того же года в Москву пришло известие о том, что бий для замирения со своими противниками в Ногайской Орде отослал обратно на восток, в кочевья левого крыла, Ахмеда и его братьев [ПСРЛ, 1906, с.272, 279]. Произошедшее затем столкновение привело к поражению Шихмаевичей и отступлению на территории, подконтрольные казахскому хану. Их владения и должности перешли к бывшим противникам [Трепавлов, 2002, с.278-281].

Это не могло не создать определенной натянутости в отношениях с Исмаилом и связанные с этим нападения Шибанидов летом 1556 года на Сибирскую землю Едигера, что и зафиксировал русский посол. При этом незначительность потерь Едигера в ходе нападения Шибанского царевича отметил Дмитрий Куров, который докладывал по возвращении из Сибири в ноябре 1556 г., что «им было возможно сполна дань прислати, да не похотели» [ПСРЛ, 1906, с.276]. Возможно, нападение отчасти являлось формальным поводом для отказа от ранее обещанной дани. Следует учитывать, что срыв переговоров мог быть связан с оппозицией Едигеру среди собственно сибирской аристократии, не все из которых хотели платить дань в далекую Москву, разрывая традиционные отношения с тюменскими ханами из династии Шибанидов. При этом даже сторонники бухарской версии, отмечают, что войско Кучума, который традиционно и считается упоминаемым «Шибанским царевичем», было сформировано из узбекских, ногайских и башкирских отрядов. Причем и в дальнейшем гвардия хана будет состоять из представителей родовых улусов и ногайских воинов [Матвеев, Татауров, с.156, 223].

В июне 1557 года Исмаил потерпел поражение, а Шихмаевичи, в частности мурза Бек, получили обратно свои улусы [Посольские книги, 2006, с.248, 282]. Возвращение Исмаила к власти ранней осенью 1557 г. не привело к восстановлению отношений с потомками Шейх-Мамаея [Трепавлов, 2002, с.284], которые предпочитали кочевать на востоке вместе с казахским ханом Хакк-Назаром [Посольские книги, 2006, с.252]. По мнению А.И. Исина, именно в 1557 году Хакк-Назар поддержал сыновей Шейх-Мамаея при совершении ими похода за Яик [Исин, 2002, с.86]. Это совпадает с информацией из той же грамоты Исмаила в Москву о том, что «племянники мои... с нами завоевались» [Посольские книги, 2006, с.252]. Таким образом, имевший место конфликт в Ногайской Орде были великопленной обстановкой для развязывания конфликта в Сибири. Военные силы Шибанидов зависели не только от поддержки зауральских племен, но и от прямой и значимой поддержки ногайской конницы.

В сентябре 1557 г. от сибирского князя Едигера была привезена шерстная грамота с княжеской печатью, а также дань сполна в размере 1000 соболей, а также 100 соболей и 60 белок дорожной пошлины [ПСРЛ, 1906, с.285]. Это была неизмеримо меньше предложенной Едигером в 1555 году 30700 соболей дани и аналогичного количества белок в виде дорожной пошлины. Условность подчинения Сибирской земли Москве подчеркивалось сохранением в титуле русского царя в отношении этой территории термина «земля», которое ранее в летописях использовалось только для независимых территорий, а в документообороте второй половины XVI века обозначало мягкие формы зависимости. По мнению Е.В. Пчелова, об этом свидетельствует не только само понятие, но и указание этой «земли» именно в конечной части титула русского царя [Пчелов, 2010, с.8].

Хотя связь этого события с ногайским влиянием не столь очевидна, следует отметить, что еще в мае 1557 года шерт-наме подписал Исмаил и некоторые из его союзников, но это не помешало дальнейшему продолжению междоусобиц [Трепавлов, 2002, с.614]. Таким образом, как и в прошлом случае, имеется

определенное совпадение между посольскими делами сибирского бека Едигера и ногайского бия Исмаила. В ноябре 1558 года с соболями и белками прибыл очередной сибирский посол, который обещал зимой привезти «давнюю дань» [ПСРЛ, 1906, с.313]¹.

Летом 1559 г. русский посол в Орде Елизар Мальцов сообщал, что шесть братьев Шихмамаевичей продолжали находиться на Яике «с Смаилем не в миру» [Посольские книги, 2006, с.294]. Уже в начале октября 1559 года Исмаил в грамоте с послом Темирем сообщал в Москву, что должность кековата (военачальника левого крыла) была предоставлена Баю б. Шейх-Мамаю, которому поручили охранять Яик (Урал) [Посольские книги, 2006, с.297]. Видимо, это было сделано для прекращения конфликта с достаточно могущественным ногайским кланом. К тому же в конце 1550-х гг. начался массовый исход ногаев, в том числе через Урал, с территорий, подвластных Исмаилу [Трепавлов, 2002, с.289]. Возможно, Шихмамаевичи должны были частично затормозить этот процесс. При этом должность за Баем была закреплена лишь на очень краткий срок.

События последующих 4 лет сложно реконструировать по причине отсутствия источников. Начавшаяся в 1558 году Ливонская война ставила для Москвы сибирский вопрос на второй, а то и третий план. В Ногайской Орде, несмотря на укрепление власти Исмаила, продолжались междоусобицы. По всей видимости, это усугублялось экологическим кризисом, голодом и мором, которые во второй половине 1550-х гг. охватили не только степные, но и прилегавшие к ним лесостепные территории по обе стороны Урала. При этом, по мнению В.В.Трепавлова, «к концу 1550-х гг. братья (т.е. Шихмамаевичи – Д.М.) расценивались как "неотступные" подданные победителя-Исмаила» [Трепавлов, 2011, с.83].

Последнее посольство с данью от князя Едигера прибыло в Москву в 1563 году, находясь там одновременно с послами от Муртазы и Ахмед-Гирея Шибанидов. Таким образом, обе стороны политического

спора, то есть тюменские ханы и сибирские беки, апеллировали в своем споре именно к московскому «белому» царю, который после захвата Казанского и Астраханского ханств мог рассматриваться в качестве верховного «сюзерена» Сибирских земель [Трепавлов, 2007, с.101-102].

В начале 1560-х гг. трое из оставшихся в живых сыновей Шейх-Мамаю, которые до того занимались охраной границ по Уралу, обосновались в Средней Азии [Трепавлов, 2002, с.309]. В августе 1562 года они участвовали в набеге на «княжьи улусы» Исмаила и Сарайчик вместе с детьми Юсуфа, но в ходе погони были разбиты сыном ногайского бия Динбаем [ПДРВ, 1795, с.205-206]. Зимой 1562/63 года они участвовали в походе против Исмаила на стороне ташкентского правителя Бабы б. Барака [Трепавлов, 2002, с.309]. Кстати, именно он был одним из главных соперников бухарского лидера Абдуллы II вплоть до своей смерти в 1582 г. В целом отношения Алтыулов (название закрепившейся за улусом Шихмамаевичей) с ногайскими биями наладились лишь после смерти осенью 1563 года Исмаила в правление его сына Дин-Ахмеда.

Реконструировать связи Бухары с сибирскими делами этого времени гораздо сложнее, хотя общеизвестен случай наименования Муртазы «ханом Большой Бухары»² в контексте обращения к нему послов из Сибири [Миллер, 2005, с.192]. Д.М. Исхаков считает, что отбрасывать полностью сведения Г.Ф. Миллера о Муртазе как правителе «Большой Бухары» нельзя, поскольку в условиях династических распрей он вполне мог участвовать в борьбе за Бухару [Исхаков, 2011, с.172]. Нахождения представителей сибирской ветви Шибанидов в Средней Азии, в том числе в Бухарском вилайете, могло быть связано и с деятельностью здесь Шихмамаевичей, о чем сказано выше. На данный момент имеющиеся письменные источники не позволяют решить этот вопрос однозначно, хотя и подчеркивают общую тенденцию смещения деятельности Шибанидов в южные регионы с развитой городской культурой, начиная с походов Абу-л-Хайра в середине 1430-х гг.

Отметим, что еще сложнее найти точки соприкосновения Сибирских Шибанидов с бухарским ханом Абдуллой II до начала 1570-х гг. На момент начала рассмотренных нами переговоров будущей бухарский лидер был лишь одним из многих среднеазиатских Шейбанидов, претендовавших на власть среди узбекских племен в условиях династической междоусобицы. К тому же сам султан в начале 1550-х гг. правил только небольшим городом Кермином на юге Узбекистана и вряд ли имел силы для организации

¹ В связи с этим чрезвычайно интересно то, по какому маршруту могли двигаться сибирские послы в Москву. 20 сентября 1598 года тарские воеводы отправили плененных родственников хана Кучума по только открытому правительственному тракту, который назывался «Бабиновской дорогой». Об этом можно судить по перечню тех городов, через который пролегал их путь. По нему Кучумовичи прибыли к Москве 15 января 1599 года, затратив на путь чуть менее 4 месяцев. В более раннее время послы должны были ехать либо по речному пути до Чердыни, либо по так называемой «старой Казанской дороге», которая шла от Тюмени через Уфимские степи. Первая дорога была удобна для сообщения из Москвы в Сибирь по течению рек, а обратный путь был возможен либо против течения, либо же сухопутьем. Ее доступность ограничивалась зимним периодом при условии движения по замерзшим рекам. Однако большинство сибирских посольств прибывало в Москву в осенний период. При всей условности подсчетов в таком случае посольство должно было затратить на свой путь не менее 2-2,5 месяцев по воде. Путь по Старой Казанской дороге был короче почти в три раза, им пользовались до конца XVII века, несмотря на постоянные запреты московского правительства [Вилков, 1990, с.39-46; Самигулов, 2011, с. 50-53]. В таком случае он проходил в значительной степени именно через ногайские степи и собственно кочевья Шибанидов либо связанных с ними племен, например табын. С учетом сроков получения информации от Исмаила и отправления послов из Сибири понятен возможный период запаздывания между посольствами в 4 месяца.

² Лишь в формате предположения хотелось бы высказать версию о том, что само обобщающее понятие «Большая Бухара» могло сформироваться именно в ходе объединительной политики Абдуллы II. Возможно, это название, в отличие от используемого в мусульманских текстах словосочетания «Великая Бухара», отражало главенствующую роль этого ханства среди соседей [о такой трактовке названия Большие Ногаи или Большой Орды: Трепавлов, 2002, с.311; Горский, 2013, с.60-62]. При этом в первой половине 1570-х гг. Муртаза и его старший сын Ахмед-Гирей однозначно находились в Бухарском вилайете и участвовали в организации исламской миссии в Сибирь. Впрочем, необходимо понимать, что при обсуждении этого вопроса мы опираемся на устные народные легенды и шежере сибирских сейидов, которые могли частично трансформироваться уже в русское время.

столь масштабных акций. Хафиз-и Таныш Бухари специально подчеркивает немногочисленность его военных сил [Хафиз-и Таныш Бухари, 1983, с.135]. Вызывает сомнение сама возможность построения им каких-либо глобальных планов в отношении отдаленных северных территорий. В первой половине 1550-х гг. он ведет борьбу за Касбийский и Несефский вилайеты на левом берегу Амударьи, а также совершает поход на Бухару [Хафиз-и Таныш Бухари, 1983, с.138-145]. По данным В.В. Бартольда, в 963/1555-1556 гг. султан был вынужден бежать из своих наследственных владений.

Лишь в 1557 году, спустя год после смерти узбекского хана Науруз-Ахмеда, при прямой поддержке лидера суфийского тариката Накшбандийя Мухаммада Ислама, известного также как Ходжа Джубайри, Абдулла окончательно захватил Бухару, контроль над которой с тех пор не терял. По всей видимости, именно об этом шейхе пишет Э. Дженкинсон, побывавший в Бухаре 23 декабря 1558 – 8 марта 1559 г.: «В Бухаре есть духовный глава (metropolitane), который наблюдает за столь строгим исполнением этого закона. Его больше слушают, чем короля; он может сместить короля и посадить другого по своей воле я желаю, как он и поступил относительно того короля, который царствовал во время нашего пребывания, в отношении его предшественника, смещенного его же стараниями: он предал его и приказал убить его ночью в его спальне; а это был государь, хорошо относившийся ко всем христианам» [Дженкинсон, 1937, с.182]. При этом о самом бухарском хане он указывает, что «Бухарский король не имеет ни большого могущества, ни богатств, его доходы очень невелики; содержится он главным образом на счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа, который он держит в большом подчинении» [Дженкинсон, 1937, с.183]. Таким образом, возможности самого хана в начале его правления были крайне невелики.

Лишь в 1561 году Абдулла провозгласил своего отца Искандера верховным ханом всех узбеков. До этого данным титулом обладал правитель Балха Пир-Мухаммад, дядя Абдуллы. Весь период правления бухарского лидера характеризуется постоянными войнами с иными представителями династии за объединение всех узбекских земель [Бартольд, 1964, с.487-488]. Таким образом, даже если искать хотя бы гипотетические связи, то они могли проходить лишь опосредованно через ногаев из клана Шихмамаевичей, либо же надо искать такие связи в среде имевших большое значение в политике бухарских представителей тариката Накшбандийя. Обратим внимание, что жена сибирского бека Бекбулата, брата Едигера, родила сына Сейдяка после бегства из Сибири в Большую Бухару также в доме местного сейида [Миллер, 2005, с.192]. При этом в 1570-е гг. в период расцвета Сибирского ханства вмешательство в его дела со стороны бухарских светских и религиозных лидеров отрицать невозможно.

В сентябре 1563 года русский царь именно Исмаилу выговаривал: «... зять твой был на Сибири на нашем юрте, и дань нам с того юрта не дает. И мы впредь хотим того юрта достигать, и за то ему мстить» [ПДРВ, 1795, с.323]. Кстати, любопытно, что Исмаил в равной степени заступается и просит отпу-

стить из Москвы обоих сибирских послов Чибиченя (от Едигера) и Ташкина (от Муртазы и Ахмед-Гирея) [ПДРВ, 1795, с.303; ПДРВ, 1801, с.22]. Правда, Муртазе ставилось в вину и нанесение большого вреда русским данникам в Сибири [Небольсин, 1849, с.35], что подчеркивает его главенствующее положение в политике Шибанидов.

Судя по всему, некий «захват» Шибанидами Сибирской земли произошло в период конца лета-начала осени 1563 года, поскольку Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем [ПДРВ, 1801, с.22]. Кроме того, князь Чигибень, посол Едигера, в сентябре 1563 года был отпущен по просьбе Исмаила вместе с ногайскими послами, что было связано со смертью сибирского бека. Юридически данное событие вообще следует трактовать не как захват, а как присоединение к Тюменскому юрту Сибирских земель по праву приглашения Кучума на престол в Искере: «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учали и взяли к себе на Сибирь царевича», при этом Едигер был убит [ПСРЛ, 1904, с.370]¹. Это убийство следует рассматривать как уничтожение, с одной стороны, именно поднявших восстание беклярибеков, что было вполне законно, а с другой – как ликвидацию потенциального центра местного сопротивления, о котором, впрочем, после восшествия Кучума на престол источники ничего не сообщают.

Таким образом, с учетом сроков поступления информации в Москву из степей возвращение престола относится еще ко времени жизни покровителя Тайбугидов Исмаила и теоретически может быть истолковано как попытка наладить отношения с воинственными наследниками Шейх-Мамаея, которые в свою очередь поддерживали семью хана Муртазы. В целом, сибирские князья из династии Тайбугидов пали жертвой противоречий между бием Исмаилом и Шихмамаевичами, которые использовали Сибирских Шибанидов как одну из сил в этой борьбе. Для самих тюменских династов участие в ней позволило расширить подвластные территории за счет присоединения земель по Иртышу, которые ранее, скорее всего, напрямую не входили в состав улуса Шибанидов. Прямая поддержка ногаями Сибирских Шибанидов при нападении на Сибирь стала основой для их дальнейшего тесного взаимодействия на протяжении всего существования Сибирского ханства. При этом роль Бухары в этом процессе могла проявиться лишь на заключительном этапе и, скорее всего, связана с активной политикой не столько светской, сколько духовной власти в лице влиятельных лидеров суфийского тариката Накшбандийя.

¹ Информация об убийстве братьев Едигера и Бекбулата Кучумом при захвате Сибири имеется и в «Сибирских летописях» [Ремезов, 1989, с.552; ПСРЛ, 1987, с.48]. Отметим, что части летописей, посвященные дорусскому прошлому Сибири, основаны на местных легендах, имевших хождение, прежде всего, в Тобольске. В целом они отражают так называемую «Тайбугидскую легенду», которая имеет ярко выраженный антишибанидский характер и могла быть отражением идеологии Тайбугидов, сложившейся по мере роста их влияния с Сибири и особенно в контексте борьбы за независимость от тюменских династов.

Список источников и литературы

- Бартольд В.В. Абулла б. Искендер // Сочинения. Т.2. Ч.II. М.: Наука, 1964. С.487-488.
- Вайнштейн Ж. Москва и Большая Ногайская Орда за кулисами покорения Сибири // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сборник статей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 365-375.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI-начала XVIII в. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 368 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С.152-301.
- Горский А.А. О так называемой «Большой Орде» // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С.60-62.
- Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию. 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С.168-192.
- Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI вв. Семипалатинск, 2002. 139 с.
- История народов Узбекистана. Т.2. От образования государства Шейбанидов до Великой октябрьской социалистической революции. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. 465 с.
- Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотординских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн АН РТ, 2011. 228 с.
- Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). Казань, 1904.
- Катанов Н.Ф. Предавание тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 2004. Вып. IV.
- Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Приоболыя в средние века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. 168 с.
- Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шейбанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции / под ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2011. С.62-68.
- Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература РАН, 2005. Т.I. 630 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература РАН, 2000. Т.II. 796 с.
- Небольсин П. Покорение Сибири. СПб., 1849.
- Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.X. СПб., 1795. 327 с.
- Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.XI. СПб., 1801. 315 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. Публикация текста / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
- Полное собрание русских летописей. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Типография Н.Ю. Скороходова, 1904. 303 с.
- Полное собрание русских летописей. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб.: Типография Н.Ю. Скороходова, 1906. 234 с.
- Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. М.: Наука, 1987.
- Пчелов Е.В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 3-16.
- Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн.2. М.: Художественная литература, 1989.
- Самигулов Г.Х. Историкография «Казанских дорог» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 9 (226). С.50-53.
- Самигулов Г.Х. К вопросу о границе Ногайской Орды и Сибирско-

го Зауралья // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. Вып.4. С.126-130.

- Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
- Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С.101-102.
- Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.
- Хафиз-и Таныш Бухари. Шариф-наме-и шахи (Книга шахской славы). М.: Наука, 1983. Т.1.

С.Ф. Татауров
г. Омск, РФ

БУХАРСКИЙ СЛЕД (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БУХАРСКОГО И СИБИРСКОГО ХАНСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.)

Данная работа посвящена взаимоотношениям Сибирского и Бухарского ханств во второй половине XVI в., роли Бухары в походе хана Кучума на княжество Тайбугидов, в создании и развитии Сибирского ханства.

Необходимо отметить, что контакты между населением Средней Азии и Западной Сибири начались задолго до этого времени и уже для эпохи раннего железного века мы говорим об устойчивых торговых отношениях между этими регионами. В эпоху средневековья все эти территории были объединены в рамках империи монголов, что нашло отражение в создании определенных родственных отношений среди высшей элиты различных территориальных образований. Появляются устойчивые экономические отношения, о чем свидетельствует расширение системы торговых путей, связывающих эти регионы. К началу XVI в. вся территория Западной Сибири (до таежной полосы) и Средняя Азия представляли собой единое политическое поле и события на одной из его сторон неминуемо вызвали отклик на других его частях.

В 1557 г. шейбанид Абдаллах II занял Бухару и со временем превратил Бухарское ханство в самое значимое государство на политической карте Средней Азии. В первой половине 60-х годов XVI в. еще один представитель шейбанидов хан Кучум вместе со своим братом Ахмед-Гиреем после разгрома княжества Тайбугидов основал Сибирское ханство.

В своей работе, посвященной военно-политической истории Сибирского ханства, мы отмечали, что Бухара была заинтересована в создании этого государства и фактически способствовала разгрому государства Тайбугидов [Матвеев, Татауров, 2012]. Правда, мы не доводили влияние Бухары до «абсолютного и всеобъемлющего», как отметил автор рецензии на нашу монографию [Маслюженко, 2013, с.216]. Не писали и о том, что именно хан Бухары «формировал» отряд Кучума и уж тем более речь ни в коем случае не шла о том, что Сибирское ханство стало частью вла-